

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 5. С. 35–43.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 35–43.

Научная статья

УДК 94(470.11).083:271

DOI: 10.37482/2687-1505-V372

Изменение отношения крестьянских сообществ Архангельской губернии к монастырям в начале XX века

Яна Эдуардовна Харитоновна

Национальный парк «Кенозерский», Архангельск, Россия,

e-mail: khyana@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0669-631X>

Аннотация. Распад патриархального быта деревни, усугубившийся на рубеже XIX–XX веков, вызвал трансформацию религиозных представлений крестьянства. Установление в дальнейшем советской власти ускорило изменение положения православного духовенства, приходов и монастырей. В статье рассматриваются причины этого процесса, обусловленного экономическими, политическими и внутрицерковными переменами в жизни российского общества. Исследуются последствия произошедших перемен в религиозных настроениях крестьян – снижение авторитета духовенства, отделение церковной жизни от жизни крестьянской общины, секуляризация крестьянского сознания, что способствовало претензиям местных жителей на владение имуществом монастырских корпораций. На примере случаев в Онежском Крестном, Михайло-Архангельском, Кожеозерском, Красногорском, Трифоно-Печенгском мужских и Холмогорском женском монастырях характеризуется тенденция разорения обителей местными жителями в 1917–1918 годах. Крестьяне оправдывали себя тем, что в силу декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» имеют право отбирать у монастырей землю и имущество. Автор приходит к выводу, что факты бесчинств со стороны местного населения по отношению к северным монастырям фиксировались задолго до революционных событий 1917 года. Некоторым обителям в начале XX века требовались полицейская охрана или защита волостных властей. После окончания иностранной интервенции и изгнания белогвардейцев все архангельские монастыри были закрыты. В дальнейшем место обителей заняли подконтрольные советской власти сельскохозяйственные коммуны и артели из местных жителей, монашеские при этом были распущены. Научная значимость статьи заключается в расширении представления о причинах изменения религиозного мировоззрения крестьян и освещении наиболее ярких фактов взаимодействия северных обителей и крестьянства в рассматриваемый период. Результаты исследования могут восполнить имеющиеся региональные информационные пробелы в истории взаимодействия северных монастырей с местным населением в начале XX века, а также помочь в понимании выстраивания отношений между возрождающимися северными монастырями и местным населением в настоящее время.

Ключевые слова: Архангельская губерния, северные монастыри, монашество, крестьянское общество, патриархальный быт, революция

Харитонов Я.Э.

Изменение отношения крестьянских сообществ Архангельской губернии к монастырям в начале XX века

Для цитирования: Харитонов Я. Э. Изменение отношения крестьянских сообществ Архангельской губернии к монастырям в начале XX века / Я. Э. Харитонов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 5. – С. 35-43. – DOI 10.37482/2687-1505-V372.

Original article

Changing Attitudes to Monasteries in the Peasant Communities of the Arkhangelsk Province in the Early 20th Century

Yana E. Kharitonova

Kenozero National Park, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: khyana@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0669-631X>

Abstract. The decay of the patriarchal rural life, which intensified at the turn of the 19th century, caused a transformation in religious beliefs among the peasantry. The establishment of Soviet rule accelerated the changes in the position of the Orthodox clergy, parishes and monasteries. The author examines the reasons behind this process, which was affected by the economic, political and intra-church transformations in the life of Russian society. Further, the consequences of changes in the religious sentiments of peasants are explored, such as the decline in the clergy's authority, separation of church life from everyday life of the peasant community, and secularization of peasant consciousness, which facilitated the claims of local residents for monastic property. Cases of plundering by local dwellers in 1917–1918 are studied using the examples of the following men's monasteries: Onega Cross Monastery, Archangel Michael Monastery, Kozhezersk Monastery, Krasnogorsk Monastery, and Pechenga Monastery, as well as women's Kholmogory Monastery. The peasants tried to justify their actions by saying that they had the right to take away land and property from the monasteries according to the decree "On the Separation of Church from State and School from Church". The author comes to the conclusion that cases of disorderly conduct towards northern monasteries were recorded long before the revolutionary events of 1917. In the early 20th century, some monasteries turned to the police or volost authorities for protection. All Arkhangelsk monasteries were closed after the end of the allied intervention and the ouster of the White Guard. Subsequently, monastic lands were taken over by agricultural communes and artels consisting of local residents and controlled by the Soviet government, while the monastics were dismissed. This article broadens our understanding of the reasons behind the changes in the peasants' religious worldview and highlights the most striking facts of interaction between northern monasteries and local peasants during the period under study. The results can fill the existing regional information gaps in the history of interactions between northern monasteries and the local population in the early 20th century and help to understand the building up of relationships between the reviving northern monasteries and the local population today.

Keywords: Arkhangelsk Province, northern monasteries, monasticism, peasant community, patriarchal everyday life, revolution

For citation: Kharitonova Ya.E. Changing Attitudes to Monasteries in the Peasant Communities of the Arkhangelsk Province in the Early 20th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 35–43. DOI: 10.37482/2687-1505-V372

Введение. На рубеже XIX–XX веков ускорился распад патриархального быта деревни, вызвавший трансформацию религиозных представлений крестьянства [1, с. 28]. Этим изменениям способствовал и кризис церковных институтов, в первую очередь российского монашества, сказавшийся на религиозно-нравственном состоянии населения [2, с. 115].

Установление советской власти ускорило изменение положения православного духовенства, деятельности приходов и монастырей, а также трансформировало отношение местного населения к церковным институтам. Монастыри, объявленные советской властью центрами контрреволюции, становились первыми объектами антирелигиозного наступления.

Актуальность исследования определяется возрастающим научным интересом к историческому прошлому Русской православной церкви в целом и региональных церковных институтов в частности, их взаимоотношениям с государством и обществом, в т. ч. с крестьянским социумом.

Революционные события 1917 года заложили основу формирования новой политики касемо Русской православной церкви со стороны государства и повлияли на жизнь российских монастырей. Цель настоящей статьи – осветить причины изменения отношения крестьянских сообществ к монастырям и монашествующим Архангельской губернии в начале XX века и выявить последствия данного изменения для жизни монастырских корпораций.

Вопрос перемены отношения крестьянских сообществ Архангельской губернии к монастырям и монашествующим в начале XX века до сих пор не становился предметом отдельных исследований. Трансформация религиозного мировоззрения населения России и ее причины рассматривались в работах общего характера и отдельных публикациях [3–6]. Региональные аспекты антиклерикальных настроений нашли отражение в трудах историков советского периода [7–9], освещавших отношение северных рабочих и крестьян к произошедшим политическим изменениям в стране. Современные региональные исследования, касающиеся

вопроса взаимодействия местного населения и церковных институтов после революционных событий 1917 года, посвящены истории отдельных приходов [10] и уездов [11], а также некоторых монастырей [12–14]. В целом вопрос изменения отношения крестьянских сообществ к монастырям, существовавшим в Архангельской губернии в начале XX века, остается недостаточно изученным. В связи с этим необходимо расширить представление о причинах трансформации религиозного мировоззрения крестьян в исследуемый период, а также осветить наиболее яркие факты взаимодействия северных обитателей и крестьянства в данный отрезок времени.

Материалы и методы. Источниками для настоящей статьи послужили документы Государственного архива Архангельской области (ГААО): материалы Архангельской духовной консистории (фонд 29), Архангельского епархиального совета (фонд 5300), отдела юстиции Архангельского губисполкома (фонд 215), Шенкурского земельного управления (фонд 397) и отдела народного образования Архангельского губисполкома (фонд 273), что дало возможность осветить отношение северных крестьян к монастырским корпорациям в исследуемый период.

Для описания исторических процессов использован системный подход, который позволил рассмотреть деятельность монастырей Архангельской губернии в общей структурной системе Русской православной церкви, выявить точки соприкосновения крестьянского социума и северных монастырских корпораций в заявленный период. В исследовании применялся сравнительно-исторический метод, с помощью которого представлены особенности взаимодействия северных монастырей и крестьянского «мира» в начале XX века.

Результаты. В начале XX столетия на территории Архангельской губернии действовало 15 монастырей – 10 мужских и 5 женских. Причины, повлиявшие на изменение отношения крестьянских сообществ к северным обителям, можно разделить на экономические, политические и внутривоскресные.

Главные хозяйственные споры в деревне вызывал земельный вопрос [11, с. 139]. Земельные владения, находившиеся в ведении церковных приходов и монашеских общин, привлекали внимание крестьян. По описи 1905 года Русской православной церкви принадлежало 1 871 858 десятин земли, что составляло 1,5 % от общей площади земельных участков. При этом 739 777 десятинами владели монастыри. В личной собственности духовенства находилось еще 327 206 десятин [15, с. 496]. В начале XX столетия во многих губерниях крестьяне требовали передать им церковно-монастырскую землю. За период 1905–1907 годов в России произошло 33 антицерковных крестьянских выступления. Требования конфискации земельной собственности у монастырей и приходов зафиксированы более чем в 350 приговорах, направленных в Государственную думу и другие правительственные учреждения [16, с. 19]. На территории Архангельской губернии земельный вопрос стоял остро, т. к. земли государственных крестьян не были отделены от казенных владений (за исключением Шенкурского уезда), т. е. не принадлежали крестьянам [17, с. 33–34].

Возможность дополнительного заработка предоставляли отхожие промыслы, работа в больших городах на фабриках и заводах. Однако обратной стороной длительного отсутствия крестьян в деревне и их неучастия в общинной жизни становился мировоззренческий кризис, вызванный антиклерикальными и светскими воззрениями на роль Церкви [11, с. 140].

Внутри- и внешнеполитические события в стране также способствовали изменению отношения крестьянства к церковным институтам.

Активизация деятельности леворадикальных партий внутри страны, распространение

их адептами изданий, «проповедавших неверие и социализм», среди низших сословий¹ вносили нестроение в крестьянское общество. С 1905 года в Архангельской губернии случаи хулиганства, касающиеся монашествующих и духовенства, приобрели частый характер. В 1907 году от хулиганов пострадал Онежский Крестный мужской монастырь [2, с. 124]. Нескольким монастырям губернии в 1910-е годы была необходима полицейская охрана [2, с. 124]. В 1917 году крестьяне Рикасовской, Лисестровской и Кехотской волостей Архангельского уезда самовольно заняли сенокосные земли, 150 десятин дровяного леса и водяную мельницу Михайло-Архангельского мужского монастыря². В 1918 году, «во время господства большевиков», на общем волостном собрании под защиту Юрольской волости был взят Красногорский мужской монастырь, охранную службу в обители несли 11 чел.³

Политическую, экономическую и демографическую ситуацию в России изменила в худшую сторону и империалистическая война 1914–1918 годов, «надломившая жизнь в деревне» [11, с. 140]. Бывшие солдаты возвращались домой преимущественно большевистски настроенными, что отрицательно сказывалось на приходской жизни и отношении к священникам и монашествующим. Как отмечал благочинный 2-го Онежского округа иерей Леонид Ивановский летом 1917 года, «приподнятое было в начале войны настроение верующего народа, в последнее время после революции значительно поколебалось. <...> Не понявши свобод, необузданная часть населения, большей частью проживающая на отхожих промыслах, на лесозаводах городов Онеги, Кеми и сел Сороки, Керети, Умбы и Кандалакши, и там всякого рода агитаторами распропагандированная, несет свою заразу и на места своей

¹Победоносцев К.П. Россия. Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб.: Синод. тип., 1909. С. 133.

²ГААО. Ф. 5300. Оп. 2. Д. 115. Л. 3.

³Там же. Д. 227. Л. 3, 8.

родины, увлекаая легкомысленных и нетвердых в вере... на скользкий путь своеволия... и попрания прав других... но больше всего достается духовенству за его призыв... к порядку и исполнению каждым своих прямых обязанностей»⁴.

Однако и сами представители церковных институтов способствовали изменению устоявшихся взглядов. Относясь к крестьянам зачастую лишь как к «темной» массе, клирики содействовали формированию конфессиональной индифферентности основной части крестьянского населения [10].

Благоприятствовали изменению отношения крестьян к монашествующим обмирщение последних, снижение их образовательного уровня, праздность и небрежность в богослужении [2, с. 123]. Проверки, проведенные в монастырях Архангельской губернии в 1900–1910 годах, выявили большое количество нарушений. В 1906 году была инициирована ревизия Антониево-Сийского монастыря по причине «нетрезвой жизни монашествующих»⁵. Иноки демонстрировали недостойное отношение к богослужению, опаздывали на службы, пропускали их, формально подходили к подготовке и чтению проповедей, имея при этом «более девяти часов в сутки» праздного проводимого времени⁶. Проверка Артемиево-Веркольского монастыря в 1913 году показала наряду с упадком хозяйственной деятельности оскудение монашеской жизни⁷.

Следствием вышеперечисленных событий стали снижение авторитета духовенства среди прихожан и отделение церковной жизни от жизни крестьянской общины. Крестьяне все чаще уклонялись от участия в церковных таинствах, в чем ярко проявлялась секуляризация крестьянского сознания [1, с. 28], а негативное отношение к политике правительства, которую

поддерживала Церковь, постепенно переросло в богоборчество [11, с. 140].

После событий 1917 года в сознании населения духовенство все чаще отождествлялось с рухнувшим режимом. В дальнейшем это положение способствовало восприятию декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованного 23 января (5 февраля) 1918 года, как сигнала к ликвидации церковных институтов [18, с. 63], т. к., согласно декрету, монастыри и приходы лишались прав юридического лица и права владения собственностью, а все их имущество становилось народным достоянием.

В первой половине 1918 года, до начала военной интервенции на Север России, нападению и разорению подверглись многие северные обители. Нападавшие заявляли, что в силу декрета Совета народных комиссаров имеют право отбирать у монастырей землю и имущество.

С конца 1917 года крестьяне д. Чушельская начали посягать на водяную мельницу Красногорского мужского монастыря, находившуюся на Чушельском озере. Монастырь, сдававший мельницу в аренду, был вынужден весной 1918 года снять арендную плату и передать мельницу в ведение Юрельского волостного земельного комитета на условиях использования мельницы жителями Юрельской волости совместно с монастырем. Позднее Пинежская уездная земельная управа окончательно отобрала мельницу у обители, что было подтверждено Архангельским комиссариатом земледелия. Монастырю удалось вернуть мельницу только в 1919 году, однако вскоре по неизвестным причинам она сгорела со всем инвентарем. Притязаниям со стороны местных жителей подверглись также монастырские рыбные тони и прибрежная полоса на Сояльском озере [13, с. 101–102].

⁴ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1251. Л. 7.

⁵Там же. Т. 1. Д. 902. Л. 47 об.

⁶Там же. Л. 12.

⁷Там же. Оп. 2. Т. 6. Д. 1026. Л. 2.

Пытаясь решить дело миром, насельники Красногорской обители допустили всех желающих к безвозмездной ловле рыбы⁸.

В 1918 году крестьяне д. Кривой Пояс Пудожского уезда несколько раз нападали на Кожеозерский мужской монастырь, разорили хозяйство, самовольно занимали монастырские земли, без разрешения жали и молотили для себя монастырский хлеб. Во время последнего нападения были убиты 5 насельников обители [12, с. 16–17].

Крестьяне Рикасовской, Лисестровской и Кехотской волостей Архангельского уезда в течение всего 1918 года захватывали и без разрешения использовали земли Михайло-Архангельского монастыря⁹.

От действий революционно настроенных крестьян пострадал и Онежский Крестный монастырь – в Онеге были разрушены Успенская церковь на подворье обители, разорены монастырский дом и подворское хозяйство. В самом монастыре повреждениям подверглись Соборный храм, Рождественская церковь и скотный двор¹⁰.

В апреле 1918 года крестьянами Ровдгорского общества Ломоносовской волости Холмогорского уезда был произведен насильственный захват имущества Холмогорского Успенского женского монастыря. В монастырском имении Вавчуга крестьяне заняли мельницу, усадебный дом, все строения и инвентарь, выгнали сестер, расхитили хлеб, продукты и сено на общую сумму 25 тыс. р. В Холмогорах местные жители захватили огороды и поля обители, а также начали вырубку строевого, пиловочного и дровяного леса в монастырских дачах в Вавчуге и Верхних Матигорах¹¹.

В 1918–1919 годах из-за «разбойнических поступков» колонистов монахи Трифоно-Печенгского монастыря были почти полностью вытеснены со своих земель. Колонисты соби-

рали гагачий пух на Айновых островах, принадлежавших обители, и активно пользовались монастырскими рыбными тонями [14, с. 82].

Весной 1919 года правительство Северной области попыталось примирить крестьян, претендовавших на церковное и монастырское имущество, и представителей духовных корпораций, издав закон «О передаче монастырских, архирейских, церковно-причтовых земель в ведение земства». Монахам как членам самостоятельных трудовых общин оставались земли в количестве, необходимом для самостоятельной обработки. Закон не повлиял на ситуацию, а лишь утвердил легитимность присвоения местными жителями монастырского и церковного имущества [14, с. 81–82].

Однако после окончания иностранной интервенции и изгнания белогвардейцев из Архангельской губернии представители советской власти озаботились окончательным решением вопроса о дальнейшем существовании северных обителей. В течение первой половины 1920-х годов все монастыри на территории губернии были закрыты.

Некоторые из обителей ликвидировались окончательно. Так, в конце 1920 года был упразднен Трифоно-Печенгский монастырь, находившийся на территории, отошедшей по Юрьевскому (Дерптскому) мирному договору к Финляндской Республике. Решение о его закрытии было вызвано «скорым приходом белофиннов и полным отсутствием рабочей силы»¹². Из монастырского хозяйства большевиками экспроприировались скот и хозяйственный инвентарь [14, с. 100–101].

Другие монастыри продолжали существовать в виде сельскохозяйственных артелей. Закон о социализации земли от 19 февраля 1918 года давал возможность насельникам монастырей

⁸ГААО. Ф. 5300. Оп. 2. Д. 227. Л. 4.

⁹Там же. Д. 201. Л. 7–7 об.

¹⁰Там же. Д. 42. Л. 1.

¹¹Там же. Оп. 1. Д. 24. Л. 97 об. – 98 об.

¹²Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 23. Л. 75.

сохранять хозяйство обитателей путем перехода их на устав сельскохозяйственных артелей и коммун. В регионах страны такая форма существования бывших монастырей администрацией признавалась. В Архангельской губернии артели монашествующих на основе монастырских хозяйств не поддерживались властями [19, с. 38–39], стремившимися при любой возможности распустить насельников. Так, в 1922 году было отклонено заявление монахинь Шенкурского монастыря о предоставлении им в пользование на коммунальных началах Макарьевского советского хозяйства¹³. В дальнейшем монастырские хозяйства передавались в пользование трудовым коммунам и артелям, членами которых становились жители близлежащих деревень [20, с. 297].

Третья группа северных монастырей подвергалась перепрофилированию. На территории обитателей организовывались колонии для детей. Губернская Сийская трудовая детская колония имени III Интернационала была создана на базе Антониево-Сийского монастыря¹⁴. Первая трудовая колония для малолетних преступников функционировала на территории Николо-Корельского монастыря¹⁵. Колония на 200 «дефективных детей со всей Архангельской губернии» существовала на территории Пертоминской обители¹⁶.

Выводы

1. Основания для трансформации традиционных взглядов крестьянства на Русскую пра-

вославную церковь складывались длительное время и были обусловлены экономическими, политическими и внутрицерковными переменами в жизни общества. Причинами изменения традиционных взглядов крестьянства на Церковь стали острый земельный вопрос, длительное отсутствие крестьян в деревне из-за необходимости заработка, внутри- и внешнеполитические события, а также обмирщение церковных институтов и монашеских корпораций.

2. Случаи бесчинств со стороны местного населения по отношению к северным монастырям фиксировались задолго до революционных событий 1917 года, некоторым обителям в 1910-е годы требовалась полицейская охрана или защита волостных властей. Сразу после вступления в силу декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» многие обители Архангельской губернии подверглись разорению; нападавшие считали, что в силу принятого постановления имеют право отбирать у монастырей землю и имущество.

3. После окончания иностранной интервенции и изгнания белогвардейцев все монастыри на территории Архангельской губернии в течение 1920 года были закрыты. В дальнейшем место обитателей должны были занять подконтрольные советской власти сельскохозяйственные коммуны, артели и совхозы из местных жителей, монашествующие при этом выпускались.

Список литературы

1. Садырова М.Ю. Церковь и духовенство в представлениях русского крестьянства в начале XX века (по материалам Среднего Поволжья) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 27–33.
2. Рягузов С.С. Кризис северных монастырей и монашества в начале XX века // XIX Ломоносовские международные научные чтения: сб. науч. тр. Архангельск: Помор. ун-т, 2008. С. 115–127.
3. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

¹³ГААО. Ф. 397. Оп. 1. Д. 382. Л. 1.

¹⁴Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 307; Д. 197. Л. 15–16.

¹⁵Там же. Ф. 215. Оп. 3. Д. 10.

¹⁶Харитонов А. О Пертоминской колонии // Изв. Архгубчека. 1920. № 111.

4. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.
5. Смулов А.М. Эволюция религиозного состояния российского общества: основные вехи и события (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). М.: Перо, 2018. 64 с.
6. Марченко А.В. Восприятие веры и религии в российском обществе начала XX века в сравнении с современностью // Система ценностей современ. о-ва. 2012. № 24. С. 123–127.
7. Персиц М.М. Атеизм русского рабочего (1870–1905 гг.). М.: Наука, 1965. 256 с.
8. Кортаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1998. 192 с.
9. Зайцев В.А. Беломорский Север: религия, свободомыслие, атеизм. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. 208 с.
10. Попов А. Отношение крестьян к РПЦ в первой четверти XX века (по материалам Архангельской губернии). URL: <http://krotov.info/history/20/1900/popov01.html> (дата обращения: 19.02.2024).
11. Матонин В.Н. Разложение традиционного религиозно-культурного уклада в Онежском уезде Архангельской губернии (20–30 гг. XX) // Свеча–2005. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем: материалы междунар. конф. Владимир; М., 2005. Т. 13. С. 139–156.
12. Санакина Т. Трагедия Кожезерского монастыря // Сийск. хронограф. 2005. № 5–6. С. 13–20.
13. Есеева О.В. Православный монастырь в религиозно-культурном пространстве Пинежья. Архангельск: Помор. ун-т, 2007. 253 с.
14. Бардилева Ю.П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века: моногр. Мурманск: МГГУ, 2015. 253 с.
15. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
16. Емелья Л.И. Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне (Секуляризация деревни накануне Великого Октября). Л., 1975. 152 с. (Актуал. проблемы истории религии и атеизма: сб. науч. тр. / Гос. музей истории религии и атеизма М-ва культуры РСФСР; Вып. 1).
17. Соснина М.А. Политика правительства Российской Империи в отношении земельной собственности бывших государственных и удельных крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах решений волостных судов Архангельской губернии) // Право и политика. 2017. № 10. С. 25–36. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2017.10.21682>
18. Михайлов С.В. Положение церкви и верующих в Архангельской губернии в 1812–1922 гг. // Государство, религия и этносы на Севере, 700–1990: междунар. рос.-скандин. конф. / отв. ред. В.И. Голдин, Н.М. Терехихин. Архангельск: Солти, 1998. С. 62–64.
19. Михайлов С.В. Судьба православных монастырей Русского Севера (1920-е гг.) // IX Ломоносовские чтения: тез. докл. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. С. 38–39.
20. Трофименко В.Г. Монастыри Каргопольского уезда после революции 1917 г. // Российский Север и Арктика: история, традиции, образы (к 150-летию А.А. Борисова): сб. науч. ст. Архангельск: КИРА, 2016. С. 296–303.

References

1. Sadyrova M.Yu. Tserkov' i dukhovenstvo v predstavleniyakh russkogo krest'yanstva v nachale XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Church and Clergy in the Perceptions of Russian Peasantry at the Beginning of the XX Century (Based on the Materials of the Middle Volga Region)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2010, no. 120, pp. 27–33.
2. Ryaguzov S.S. Krizis severnykh monastirey i monashestva v nachale XX veka [Crisis of Northern Monasteries and Monasticism in the Early 20th Century]. *XIX Lomonosovskie mezhdunarodnye nauchnye chteniya* [The 19th International Scientific Lomonosov Readings]. Arkhangelsk, 2008, pp. 115–127.
3. Pospelovskiy D.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th Century]. Moscow, 1995. 511 p.
4. Zyryanov P.N. *Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiyey 1905–1907 gg.* [The Orthodox Church in the Fight Against the Revolution of 1905–1907]. Moscow, 1984. 224 p.
5. Smulov A.M. *Evolutsiya religioznogo sostoyaniya rossiyskogo obshchestva: osnovnye vekhi i sobytiya (konets XIX v. – 30-e gody XX v.)* [Evolution of the Religious State of Russian Society: Key Milestones and Events (Late 19th Century – 1930s)]. Moscow, 2018. 64 p.
6. Marchenko A.V. *Vospriyatie very i religii v rossiyskom obshchestve nachala XX veka v sravnenii s sovremennost'yu* [Perception of Faith and Religion in Russian Society in the Early 20th Century Compared with Present Day]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*, 2012, no. 24, pp. 123–127.

7. Persits M.M. *Ateizm russkogo rabochego (1870–1905 gg.)* [Atheism of the Russian Worker (1870–1905)]. Moscow, 1965. 256 p.
8. Korotaev V.I. *Russkiy Sever v kontse XIX – pervoy trety XX veka. Problemy modernizatsii i sotsial'noy ekologii* [Russian North in the Late 19th – First Third of the 20th Centuries. Problems of Modernization and Social Ecology]. Arkhangelsk, 1998. 192 p.
9. Zaytsev V.A. *Belomorskiy Sever: religiya, svobodomyслиe, ateizm* [The White Sea North: Religion, Freethinking, Atheism]. Arkhangelsk, 1983. 208 p.
10. Popov A. *Otnoshenie krest'yan k RPTs v pervoy chetverti XX veka (po materialam Arkhangel'skoy gubernii)* [Attitude of Peasants to the Russian Orthodox Church in the First Quarter of the 20th Century (Based on Materials from the Arkhangelsk Province)]. Available at: <http://krotov.info/history/20/1900/popov01.html> (accessed: 19 February 2024).
11. Matonin V.N. *Razlozhenie traditsionnogo religiozno-kul'turnogo uklada v Onezhskom uezde Arkhangel'skoy gubernii (20–30 gg. XX)* [Decay of the Traditional Religious and Cultural Order in the Onega District of the Arkhangelsk Province (1920s – 1930s)]. *Svecha–2005. Istoki: Religiya i lichnost' v proshlom i nastoyashchem* [Candle–2015. Origins: Religion and a Person in the Past and the Present]. Vladimir, 2005. Vol. 13, pp. 139–156.
12. Sanakina T. *Tragediya Kozhezerskogo monastyrya* [The Tragedy of the Kozhezero Monastery]. *Siyskiy khronograf*, 2005, no. 5–6, pp. 13–20.
13. Eseeva O.V. *Pravoslavnyy monastyr' v religiozno-kul'turnom prostranstve Pinezh'ya* [Orthodox Monastery in the Religious and Cultural Space of the Pinega Region]. Arkhangelsk, 2007. 253 p.
14. Bardileva Yu.P. *Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov' na Kol'skom Severe v pervoy polovine XX veka* [Russian Orthodox Church in the Kola North in the First Half of the 20th Century]. Murmansk, 2015. 253 p.
15. Sukhova O.A. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: Ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [Ten Myths of Peasant Consciousness: Essays on the History of Social Psychology and Mentality of the Russian Peasantry (Late 19th – Early 20th Centuries) Based on Materials from the Middle Volga Region]. Moscow, 2008. 679 p.
16. Emelyakh L.I. *Istoricheskie predposylki preodoleniya religii v sovetskoy derevne (Sekulyarizatsiya derevni nakanune Velikogo Oktyabrya)* [Historical Prerequisites for Overcoming Religion in the Soviet Village (Secularization of the Village on the Eve of the Great October Revolution)]. Leningrad, 1975. 152 p.
17. Sosnina M.A. *Politika pravitel'stva Rossiyskoy Imperii v otnoshenii zemel'noy sobstvennosti byvshikh gosudarstvennykh i udel'nykh krest'yan vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na materialakh resheniy volostnykh sudov Arkhangel'skoy gubernii)* [Government Policy of the Russian Empire on Land Ownership of Former State and Court Peasants in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on the Decisions of the Volost Courts of the Arkhangelsk Province)]. *Pravo i politika*, 2017, no. 10, pp. 25–36. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2017.10.21682>
18. Mikhaylov S.V. *Polozhenie tserkvi i veruyushchikh v Arkhangel'skoy gubernii v 1812–1922 gg.* [The Situation of the Church and Believers in the Arkhangelsk Province in 1812–1922]. Goldin V.I., Terebikhin N.M. (eds.). *Gosudarstvo, religiya i etnosy na Severe, 700–1990* [State, Religion and Ethnic Groups in the North, 700–1990]. Arkhangelsk, 1998, pp. 62–64.
19. Mikhaylov S.V. *Sud'ba pravoslavnykh monastyrey Russkogo Severa (1920-e gg.)* [The Fate of Orthodox Monasteries in the Russian North (1920s)]. *IX Lomonosovskie chteniya* [The 9th Lomonosov Readings]. Arkhangelsk, 1997, pp. 38–39.
20. Trofimenko V.G. *Monastyri Kargopol'skogo uezda posle revolyutsii 1917 g.* [Monasteries of the Kargopol District After the Revolution of 1917]. *Rossiyskiy Sever i Arktika: istoriya, traditsii, obrazy (k 150-letiyu A.A. Borisova)* [Russian North and the Arctic: History, Traditions, Images (to the 150th Birthday Anniversary of A.A. Borisov)]. Arkhangelsk, 2016, pp. 296–303.

Информация об авторе

Я.Э. Харитоновна – старший научный сотрудник национального парка «Кенозерский» (адрес: 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 78).

Information about the author

Yana E. Kharitonova, Senior Researcher, Kenozero National Park (address: nab. Severnoy Dviny 78, Arkhangelsk, 163000, Russia).

Поступила в редакцию 25.03.2024
Одобрена после рецензирования 25.06.2024
Принята к публикации 02.07.2024

Submitted 25 March 2024
Approved after reviewing 25 June 2024
Accepted for publication 2 July 2024